

МОЦАРТОВСКИЙ ПОДТЕКСТ
СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА
«НОЧЬ»

ДИНА МАГОМЕДОВА
(Москва, РГГУ)

Ночь

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сияньи —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904¹

Нельзя сказать, что стихотворение Блока «Ночь» обойдено вниманием исследователей. В первую очередь необходимо назвать статью И. В. Владимировой <И. В. Душечкиной-Рейфман>, М. Г. Григорьева <М. Г. Альтшуллера> и К. А. Кумпан «А. А. Блок и русская культура XVIII века»², в которой было обращено внимание на то, что стихотворение написано в период работы Блока над выпускным сочинением «Болотов и Новиков», когда поэт интенсивно изучал литературу по истории масонства. Отмечено, что именно в стихотворении «Ночь» наиболее ощутима связь с масонской символикой: «Ночь наделена масонскими атрибутами: она в черном одеянии, в окружении черных колесниц (ср. черные покрывала и черный гроб в масонской ложе). Наиболее интересна четвертая строфа <...> Орденские ложи убирали сукном, расшитым серебряными пряжками “в виде слез”³. Циркуль же — важнейший масонский символ — знак строителей Соломонова храма. Циркулем испытывали неофитов»⁴. Особое внимание уделено первой

¹ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 45. — Далее все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² Владимирова И. В., Григорьев М. Г., Кумпан К. А. А. А. Блок и русская культура XVIII века // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник. IV. Тарту, 1981. С. 27–114.

³ Незеленов А. И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 138.

⁴ Владимирова И. В., Григорьев М. Г., Кумпан К. А. А. А. Блок и русская культура XVIII века. С. 51.

строфе стихотворения, перекликающейся со стихотворением Андрея Белого «Маг», написанным годом раньше и посвященным Валерию Брюсову («В венце из звезд, над царством скуки, / Над временем вознесены — / безмолвный маг, сложивший руки, / Пророк безвременной весны»⁵). По мнению авторов, в стихотворении Белого ощутима полемика «теурга» с «магической» концепцией поэтического творчества, в ответе же Брюсова еще более явно звучат аллюзии на масонские ритуалы: «“Брат, что ты видишь?” — / Как отзвук молота, / Как смех внемирный мне отклик слышен»⁶. Противопоставление фигуры мага и Ночи («Женственное Имя») интерпретировано в статье как оппозиция магического и божественного («София противостоит Волхву»)⁷.

Еще более определенно относительно природы героини стихотворения высказался один из авторов статьи в специальной работе «Масонские мотивы “второго тома” (Университетские штудии А. А. Блока и их отражение в лирике 1904–1905 годов»: «В соловьевском духе может быть интерпретирован второй образ стихотворения. Ночь — Женственное Имя, Ты с прописной буквы — это Вечная Женственность, София, напоминающая Прекрасную Даму первого тома. Она противостоит Волхву-Магу, заполняя собой весь мир»⁸.

Выявленные в стихотворении масонские мотивы не вызывают никаких сомнений. Однако последнее утверждение кажется весьма спорным. Героиня «первого тома» ни в одном стихотворении не именуется «ночью». Правда, можно говорить о развитии мифопоэтического мотива Луны («Поднялась стезею млечной, /

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 51–52.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ *Альтишюллер М.* Масонские мотивы «второго тома» (Университетские штудии А. А. Блока и их отражение в лирике 1904–1905 годов) // *Revue des Études Slaves*. 1982. Т. 54, № 4. Р. 605.

Осиянная — плывет», «Красный шлем остроконечный бороздит небесный свод»), хотя, в отличие от стихотворений «первого тома», Луна в стихотворении не табуируется («Под луной мерцают пряжки»). Особенно сомнительным выглядит это отождествление, если учесть, что героиня стихотворения явно демонизируется (красный цвет, связанный в поэтике Блока с мотивами смерти, мотивы опьянения и даже отравы — «зельями ночными опившая меня»). Героиня скорее напоминает будущих «стихийных» героинь «второго тома» — Снежную Маску, Незнакомку, Фаину, воплощающих образ пленной, падшей Софии, противопоставленной героине «Стихов о Прекрасной Даме».

Наблюдения авторов указанных работ легли в основу реального комментария к стихотворению «Ночь» в Полном академическом собрании сочинений и писем Блока (2. С. 611–613). Однако прямое отождествление героини стихотворения «Ночь» с Прекрасной Дамой «первого тома» из комментария все же исчезает. Более того, приводится ответ Андрея Белого на вопрос: «Кто Ты» — «Люцифер»⁹.

Но если героиня — демоническая царица Ночи, окруженная черными колесницами, то как она связана с Магом, волхвом, не только владеющим миром, но и читающим будущие судьбы человечества («знаки поздних поколений»), и, как будто, желающим людям, «миру брений», блага («счастье дольнего волхва»)?

Перечисленные в названных работах и в комментарии к собранию сочинений источники отдельных фрагментов текста не объединяются в смысловое или сюжетное целое. Пользуясь определениями Ю. И. Левина, можно сказать, что они позволяют «интерпретировать» стихотворение, — т. е. реконструировать ситуацию,

⁹ *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке // Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 196–197.

«описанием *фрагмента* которой мог бы быть данный текст»¹⁰, — но не позволяют «осмыслить текст» — т. е. «поставить ему в соответствие внеязыковую ситуацию, описанием которой мог бы быть данный текст»¹¹. Такого рода дифференциация очень важна для анализа так называемых «темных» стихотворений, которых так много и в символистской, и в постсимволистской традиции. Зачастую читателю и исследователю после имманентного анализа стихотворения и после поиска внетекстовых реалий приходится мириться именно с множественными интерпретациями, помогающими хотя бы отчасти объяснить ряд темных мест в тексте.

Одна из возможных интерпретаций пары Маг (волхв) и таинственная «стихийная» или демоническая героиня — воспроизведение симонианского извода гностического мифа, несомненно, важного для творчества Блока¹². Речь идет о Софии-Премудрости, заключенной в тело земной женщины — Елены, постоянной спутницы Симона-Мага (Симона-Волхва). Мотивы этого варианта гностического мифа узнаваемы не только в ряде стихотворений Блока, но и в его драме «Песня Судьбы». В стихотворении 1906 г. «Лазурью бледной месяц плыл...» (2. С. 120) Блок вновь воспроизводит эту пару, причем героиня названа дочерью Волхва и также связана с мотивами ночи, тайны имени и магии («Ты, безымянная! Волхва / Неведомая дочь! / Ты нашептала мне слова, / Свивающие ночь»).

¹⁰ Левин Ю. И. Лексико-семантический анализ одного стихотворения Мандельштама // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С. 227.

¹¹ Там же. С. 226.

¹² См. в наших работах: Магомедова Д. М. Блок и гностики // Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 70–83; Магомедова Д. М. Александр Блок: Биография и поэтика в свете автобиографического мифа. Siedlce, 2013. С. 41–50.

Однако возможна еще одна интерпретация этого стихотворения: соотнесение пары «Маг — Царица Ночи» с сюжетом последней оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта» (“Die Zauberflöte”). Хорошо известно, что Моцарт был масоном и что в опере «Волшебная флейта» воспроизведены масонские посвятельные ритуалы, испытание-мистерия и вечное противостояние тьмы и света в жизни человечества¹³. За души юных героев — принца Тамино и невинной девушки, дочери Царицы Ночи Памины — борются две силы: сила Мудрости, Разума и Света (Верховный жрец Осириса и Исида Маг, астролог Зарастро) — и сила Зла, коварства и тьмы в лице Царицы Ночи. При этом в первом действии Царица Ночи умоляет Тамино освободить ее дочь Памину из плена злого волшебника Зарастро — намечается сюжет, который в символистской литературе становится мифопоэтическим, мистериальным архетипом: спасение пленной героини от злых сил, от смерти, пробуждение от сна и т. п.¹⁴ Однако во втором действии

¹³ См., напр., *Mann Rosmarie*. Wolfgang Amadeus Mozart — Triumph und frühes Ende: Biografie. Berlin, 1990. S. 356–376; *Чичерин Г.* Моцарт: Исследовательский этюд. Л., 1971. С. 225–238; *Соллертинский И. И.* Волшебная флейта // *Соллертинский И. И.* Исторические этюды. Л., 1963. С. 54–69.

¹⁴ См. о мистериальном сюжете: *Холл П. Мэнли.* Энциклопедическое изложение герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992. Т. 1. С. 43–88; *Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991; *Топоров В. Н.* О ритуале: Введение в проблематику // *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках.* М., 1988. С. 7–60; *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. О роли мистериального сюжета у русских символистов см.: *Силард Л., Барта П.* Дантов код русского символизма // *Studia Slavica Hung.* 35/1–2. 1989. С. 61–95; *Приходько И. С.* Мифопоэтика А. Блока. Владимир, 1994. С. 8–9; *Она же.* Возрождение мистерии в начале XX века. Драма У. Б. Йетса и А. Блока // *Нормативность жанра в зарубежной литературе 18–20 веков: Тезисы докладов межвузовской конференции.* Горький, 1990. С. 34–35.

обнаруживается, что Заратро похитил Памину, чтобы освободить ее из тьмы и сделать женой предназначенного ей судьбой Тамино. Герои проходят ряд испытаний и входят в храм Премудрости, Царица Ночи и ее свита исчезают, потерпев поражение.

В театральных постановках Царица Ночи появляется на сцене трижды, в каждом из трех действий, каждый раз — как будто приплывая в небе на колеснице-троне. Ее окружают три дамы в черном, с полузакрытыми лицами (ср.: «В длинном черном одеянии, / В сонме черных колесниц»; «Под луной сияют пряжки / До лица закрытых риз»). В театральных постановках на ней обычно остроконечный, усыпанный звездами головной убор.

В стихотворении Блока Маг и Царица Ночи не столько противопоставляются, сколько сопологаются. Пара юных героев отсутствует. Однако последняя строфа стихотворения резко отличается от остальных: вместо безличного описания Мага и Царицы Ночи появляется лирический герой, пытающийся разгадать природу героини. Вместо юной невесты в «Волшебной флейте» Моцарта, у Блока героиней оказывается, похоже, сама демоническая Царица Ночи. И финал стихотворения остается открытым, незавершенным: не происходит ни выбора между Магом и Царицей, ни соединения героя и героини. Сюжет «Волшебной флейты» в стихотворении Блока преобразован до неузнаваемости, сохраняя лишь отдельные визуальные атрибуты и общий мистериальный характер встречи героев: мистериальное испытание у Блока дается лишь в самом его начале. Очевидно, что это стихотворение оказывается свидетельством поисков новой героини в лирике Блока после завершения «Стихов о Прекрасной Даме»

Следует отметить, что русские символисты, при всем культе музыки и интересе к разнородным мистическим и оккультным традициям, крайне редко обращались к Моцарту, и появление в лирике Блока реминисценции из «Волшебной флейты» — явление не-

обычное не только для его творчества, но и для символистской лирики в целом. Учитывая, что Блок не получил никакого музыкального образования и полагал, что он «до отчаяния» ничего не понимает в музыке, вопрос об источнике его знаний о «Волшебной флейте» стоит весьма серьезно. Найти упоминания о ней в масонской литературе, изученной Блоком в 1904 г., не удалось. Ни в С.-Петербурге, ни в Москве в 1904 г. эта опера не ставилась (в Большом театре была поставлена в 1906 г., когда стихотворение уже было написано). Можно предположить лишь гастрольные постановки зарубежных трупп, может быть, посещения концертов или спектаклей в зарубежных поездках (путешествие в Бад-Наугейм в 1903 г. или поездка в Италию в детстве). Возможны и рассказы о спектаклях близких Блоку людей, начиная с матери, тетки М. А. Бекетовой, композитора С. В. Панченко (хотя в его письмах к Блоку Моцарт не упоминается ни разу).

До знакомства с единственным символистом, любящим Моцарта больше, чем Вагнера, профессиональным музыкантом, поэтом и прозаиком М. А. Кузминым остается два года. Между тем, для Кузмина «Волшебная флейта» всю жизнь оставалась любимой оперой, он перевел ее либретто на русский язык и в 1921–22 гг. создал лирический цикл «Пути Тамино», включив его в сборник «Параболы». Сопоставление этого цикла со стихотворением Блока «Ночь» было бы весьма поучительно хотя бы потому, что поэт сумел вообще обойтись без Царицы Ночи и атмосферы тьмы. Здесь открывается новый поворот в изучении музыкального репертуара символистской литературы, темы, в равной степени важной и для историка литературы, и для истории культуры эпохи рубежа столетий.